

Текст · 10 ноября 2023, 08:59

Никита Сологуб,

«Не хочешь посидеть на дорожку?» Основатель «Бессмертного барака» — о том, как полицейские и их добровольные помощники вынудили его уехать из России

18 октября со мной связался журналист французской газеты, он вместе с коллегами взял интервью у меня о моем проекте — «Бессмертном бараке». В Москве я их отвез на Донское кладбище, показал места захоронений расстрелянных и палачей, которые лежали там, на этом кладбище. Одним из палачей был Василий Блохин^[1]. Тема зашла про расстрел поляков в Медном^[2]. Он лично участвовал [в убийствах], возглавлял расстрельную команду. Эти поляки попали в плен в 1939 году, а в 1940-м были расстреляны после раздела Польши с Германией.

А на следующий день должна была открываться выставка^[3] постоянная на расстрельном месте в Медном. С бюстами Сталина, памятниками Дзержинскому, Калинин и так далее. Я рассказал, что туда поеду. Они сказали, что тоже купили билеты. Мы договорились пересечься там.

На следующий день я приехал в Тверь. Там мы пересеклись. На дне открытых дверей было человек пять, может быть. Эту выставку организовывал мемориальный центр «Медное». Никаких экскурсий там не было — я сам провел экскурсию журналистам,

показал, где расстреливались поляки и как все обустроено там, где расстреляны советские граждане.

Мы зашли к директору Александру Чуносову спросить, когда же будет открытие этой выставки. Он переписал наши фамилии карандашиком в аккуратную бумажечку — кто мы, что мы — и сказал: «Все вопросы в письменном виде, в течение 40 дней дадим ответ». Он бывший кэгэбэшник^[4] и бывший директор кукольного театра^[5], а сейчас директор расстрельного полигона. С момента, когда он пришел директором в этот мемориальный комплекс, начались такие движения, что он стал больше про Великую Отечественную войну — даже не Вторую мировую, а Великую Отечественную — и меньше про репрессии. Там же появился комплекс [посвященный] армии, на этом расстрельном месте. Очень много вопросов к этому товарищу Чуносову возникает. Когда он нас переписал, мы уехали в Тверь.

Ехать мы должны были с журналистами с разницей в два часа — они на «Сапсане», я на «Ласточке». Мы посидели в кафе, они уехали. Позже выяснилось, что нас тогда снимали^[6]. Потом ко мне подошли двое полицейских, сказали, что нужно проехать для уточнения личности и досмотра. Я сообщил друзьям. Мы вышли из кафе, на выходе присоединилось еще около шести-семи человек полицейских. Вместе с ними был журналист, как он представился, «Московского комсомольца». На телефоне у него была наклейка «Россия-24». Они снимали, задавали провокационные вопросы про французов, зачем я их сюда привез. Минут двадцать это продолжалось.

И в какой-то момент этот журналист «Московского комсомольца» говорит: «А от вас же алкоголем пахнет». Я спрашиваю: «У нас уголовно наказуемо, что от меня чем-то пахнет?».

Ну и, собственно, все — меня отвезли в центральный отдел полиции города Твери, там, где я пропал на двое суток. Я не отрицаю, что в кафе я кофе с коньячком пил, но у нас это не запрещено — я сидел спокойно, тихо набирал пост, никого не трогал. Я не был пьян^[7].

Меня посадили в автозак и повезли на освидетельствование. По дороге я сообщил друзьям, со мной связались «ОВД-Инфо». Я им объяснил всю ситуацию, они мне предложили воспользоваться чат-ботом. Я посмеялся — какой чат-бот, если у меня телефон сейчас отберут, мне нужен адвокат. Мой личный адвокат мне не отвечал — он находился у врача. «ОВД-Инфо» сказали в итоге, что ко мне придет адвокат, но наутро оказалось, что предоставить они его не смогли. В это время уже мои друзья, мои родители и мой адвокат искали меня по всем отделениям полиции, а там отвечали, что меня нигде нет.

После освидетельствования у меня забрали телефон, позвонить я не мог, потому что мне сказали: «Вы уже столько общались», имея в виду мой разговор с «ОВД-Инфо». Собственно, меня посадили в камеру, а наутро оказалось, что они освободили весь отдел, то есть единственным задержанным во всех камерах был я. Всех, кого привозили задержанных, отпускали сразу со штрафом в 500 рублей. А ко мне начали

подставлять товарищей разного рода с разными провокациями. Я так продержался двое суток.

На обед, завтрак и ужин мне давали половину стаканчика воды, какой-то жидкости с чаем, больше не давали. Еду я не брал. И не спал я все это время из-за сокамерников — от них всего можно было ожидать. Там камера рассчитана на троих, и мою полностью забивали, меня сокамерников раза три. Кто-то разговоры про войну развязывал. Кто-то пытался какие-то зоновские словечки употреблять. Кто-то предлагал покурить! Там же нельзя курить, в камерах. Какие-то странные были вещи. Один меня спросил: «Ты из Москвы?». Я сказал, что да. «А, вот почему ты так по-педерастически выглядишь!». Я говорю: «Ты забери сейчас свои слова обратно, а то можно и по морде получить». После этого все стало ок. Эти люди не были пьяны, просто сидели. Один из них назвал меня вдруг «кадетом», хотя мы с ним вообще не общались. Он, такой, проснулся: «Ну что, кадет, как дела?». Я говорю: «А я тебе не говорил, что в кадетском корпусе учился». Был еще один товарищ, который четыре часа просто блевал без остановки. Я старался, конечно, ни с кем не общаться.

Мне выдали повестку на 1 ноября на составление административного дела. И не дожидаясь, пока я тут зашнуруюсь, оденусь и так далее, меня просто попросили выйти. Я вышел и не понимал, где я, потому что телефон и планшет были заблокированы — они, видимо, пытались пароль подобрать. Ничего я не мог ввести и просто пошел до первого магазина. На пути попалась почта, я зашел, попросил посидеть 15 минут, хоть шнурки вдеть. Телефон сам стал

принимать звонки, мне начали друзья дозваниваться — объяснили, что меня объявили пропавшим без вести.

Я вызвал такси, стоял, ждал его рядом с остановкой. Там терся какой-то товарищ. Когда подъехало такси, он выбежал спереди и сфотографировал номера. Я понял, что меня ведут. Я вышел из такси и пошел парком. Вышел к какой-то церкви, посидел, опять вызвал такси, но понял, что там у церкви снова стоит тот товарищ, теперь уже с другом. И я увидел семейную пару на углу, мужчину с женщиной, показал им новости, кратко объяснил ситуацию. Они согласились меня отвезти до местной пешеходной улицы. Высадили меня там. Там я увидел еще две машины, которые за мной следовали. Тогда подошел еще раз — теперь к компании парней, которые стояли там. Снова им все объяснил, попросил их вызвать такси, позвонил адвокату и продиктовал номер, когда оно приехало. Доехал до вокзала — и там уже был полный комплект тех, кто за мной следил. То есть я стоял в центре зала, а меня снимали на камеры с четырех сторон из-под полы. Я вообще не понимал, чего они хотят, что происходит.

Потом я приехал в Москву, сопоставил все факты и решил уехать в родной город, в Нижний Новгород. Попросил друга меня сопровождать. Когда мы приехали, через некоторое время я решил попробовать избавиться от тягостных мыслей, погулять, показать ему город. Мы шли по набережной — впереди шел человек, который нас снимал и останавливался тогда, когда мы останавливались. И позади такой же.

1 ноября я вернулся в Москву и решил уехать на территорию другой страны — на поезде. Купил билет за два с половиной часа до отправления. Приехал на вокзал, и тут меня встречает группа людей с георгиевскими лентами, со значками — в общем, нодовцы^[8]. Окружают меня, кричат, что я предатель, враг народа. Крики были типа: «Почему ты родину продал? Не хочешь посидеть на дорожку?». Смешно было, что за меня заступились начальник поезда и проводница — просто своим планшетом для бумаг стала отгонять этих товарищей. В итоге я все же сел на поезд, но не доехал до станции, до которой у меня был куплен билет. Я вышел раньше, взял такси и добрался до аэропорта этой другой страны, а потом пролетел еще несколько стран с пересадками, чтобы оказаться в безопасности.

Сейчас постфактум оказалось, что мне выписали протокол на 500 рублей, но по какой статье, неизвестно. Мне не до этого было, я решал, как уехать туда, где я буду в безопасности.

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Комендант административно-хозяйственного управления НКВД-МГБ, прослуживший на этой должности с начала 1930-х до смерти Сталина. Лично участвовал в расстрелах, счет убитых Блохиным людей идет на тысячи.
 2. Село в Тверской области, где в 1940 году тайно похоронили около 6 300 граждан Польши, расстрелянных НКВД в Осташковском лагере.
 3. Мемориал в Медном — филиал Государственного центрального музея современной истории России. Музей решил перенести туда часть экспонатов — памятники советским руководителям, включая Сталина

и Дзержинского. Новый директор комплекса в Медном Александр Чуносков объяснил появление такого пантеона тем, что мемориал просто «отражает эпоху».

4. Судя по старой аватарке Чуноскова «ВКонтакте», в молодости он служил в погранвойсках КГБ. В 2010 году именем Александра Чуноскова были подписаны похожие на пресс-релизы заметки о погрануправлении ФСБ по Челябинской области в газете «Южноуральская панорама».

5. Липецкого государственного театра кукол.

6. По словам Шалаева, эту съемку публиковало издание Readovka, «Медиазона» не смогла обнаружить такой публикации.

7. Шалаев показал «Медиазоне» видео долгого разговора с человеком, который представился журналистом «Московского комсомольца». Он не производит впечатления пьяного: внятно и сдержанно отвечает на многочисленные вопросы своего собеседника.

8. Сторонники пропутинского Национально-освободительного движения (НОД), которые участвовали во многих вигилантских акциях против российских оппозиционеров.